О.В. Трефилова

Похоронно-поминальная обрядность одного болгарского села в Валахии (Румыния) в этнолингвистической перспективе: ареальный аспект

Язык и традиционная культура болгар Румынии давно являются предметом изучения лингвистов и этнографов, см. такие обобщающие исследования, как (Младенов 1993; Нягулов 1999; Телбизовы 1963), обзоры (Колев 2005), сборники (Българските острови 2007 и др.) и многочисленные статьи, посвященные частным вопросам языка и этнографии болгар-переселенцев. Кратко об истории изучения болгар Румынии с начала XX в. см.: (Васева 2012: 248–249). Внимание ученых особенно привлекают банатские болгары, живущие на северо-западе Румынии компактно, бережно сохраняющие свою культуру и даже кодифицировавшие свой диалект. Меньше внимания уделялось изучению традиционной культуры болгар Валахии, отдельные поселения которых находятся как в Мунтении, так и в Олтении, не имеющих письменности и сохраняющих свои традиции и фольклор изустно. Полнее всего была исследована погребальная обрядность болгар (в частности, болгар Валахии) в сравнении с обрядностью румын в работах Валентины Васевой (Васева 1990; 1995; 1997; 2001; 2012 и др.). Использование сравнительного и ареального методов – необходимое условие изучения переселенческих традиций, в особенности на Балканах. Любая переселенческая традиция не может изучаться изолированно, в отрыве от традиции метрополии (в данном случае северо-западной болгарской) и традиции окружения (румынской валашской), а при обследовании указанных территорий важно учитывать и восточносербский ареал, который во многом демонстрирует единство с западноболгарским. Следует принимать во внимание и исторические условия проживания, активной миграции населения и демографические изменения в Валахии, Восточной Сербии и Северо-Западной (и шире, Северной) Болгарии на протяжении XV–XIX вв. (Бизеранова 2013: 39–49), способствовавшие формированию общего культурного ареала.

DOI: 10.31168/91674-564-1.7

inslav

В данной статье в этнолингвистической перспективе будет проанализирована локальная погребально-поминальная традиция болгар, а именно болгар с. Бэле́нь-Сы́рбь, переселившихся из Северо-Западной Болгарии в Валахию 200 лет назад и сохраняющих болгарский диалект, архаические верования и материальную культуру; подробнее о первых сведениях о болгарах в этом селе и лингвистической ситуации здесь см. (Трефилова 2016). Часть похоронно-поминальных ритуалов обследованного села может иметь и специфические черты погребальной обрядности также Юго-Восточной Румынии и Северо-Восточной Болгарии – Мунтении и Добруджи соответственно. За основу берутся материалы моего собственного полевого обследования, в качестве сравнительного материала используются мои собственные записи из Видинской области (Трефилова 2004) и опубликованные работы, посвященные указанным выше архаическим традициям (Зечевић 2007; Васева 2012 и др.; Узенева 2004; 2006 и др.) и базирующиеся также на актуальных полевых материалах, собранных в конце XX – начале XXI в. Одним из наиболее полных источников по погребальной обрядности Северо-Западной Болгарии является книга Сашки Бизерановой «Между жизнью и смертью. Погребальные и поминальные обычаи у болгар и влахов в Видинском регионе» (Бизеранова 2013), в основу которой положено диссертационное исследование автора, выполненное практически полностью на материале полевых исследований конца XX – начала XXI в.

Подробное обследование села Бэле́нь-Сы́рбь, округ Дымбовица (Мунтения), община Бэлень (Băleni-Sârbi, communa Băleni, județul Dâmbovița, Muntenia, 70 км северо-западнее Бухареста), проводилось в двух экспедициях в 2013 и 2016 гг. по программе «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала», составленной А.А. Плотниковой (Плотникова 1996), а также по некоторым разделам вопросника «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ) – «Семья и семейный этикет»[1], «Семантические вопросы».

Село образовано путем объединения двух сел – румынского Бэле́нь-Ромы́нь и болгарского Бэле́нь-Сырбь. Несмотря на наличие в селе в настоящее время смешанных браков сохраняется как пространственная граница между румынской и болгарской частями, так и культурная – на уровне ментальности, идентичности, традиционной обрядности, отчасти материальной культуры. В Румынии в данный момент болгары признаны национальным меньшинством и как таковые пользуются поддержкой со стороны официальных структур Румынии и Болгарии (Ва-

[1] Результаты обследования по этому разделу опубликованы в работе (Трефилова 2016).

inslav

сева 2012: 248–249). В частности, в местной школе введено преподавание болгарского языка как предмета по выбору, который ведет учитель, направляемый в село Болгарией (это, однако, практически не влияет на сохранность местного диалекта, который сильно отличается от преподаваемого литературного языка), в 2017 г. создана Ассоциация «Болгарская радость»[2], цель которой – сохранить культурные традиции местных болгар, ее возглавляет бывший зам. директора сельской школы, в настоящее время учитель начальных классов Тоадер Георге (Gheorghe Toader, господин Дорел), благодаря помощи которого во многом могли состояться мои экспедиции и который сам стал одним из моих информантов. Благодаря работе названной ассоциации болгары с. Бэлень-Сырбь[3] в последние годы пользуются вниманием как болгарских, так и румынских СМИ.

Население с. Бэлень-Сырбь говорит предположительно на белослатинском диалекте болгарского языка (восточная граница северо-западных болгарских диалектов), см. (Младенов 1993: 117), лингвистическое описание которого см.: (Стойков 2002: 146–147; Младенов 1993: 117–171), ср. (Трефилова 2016: 121–122 – важнейшие особенности диалекта с. Бэлень-Сырбь). Дополню здесь, что диалект локализуется в метрополии почти с полной уверенностью в самой восточной части северо-западноболгарского ареала, если совместить фонетические, акцентологические и лексические карты в (БДА ОТ), учитывая данные диалекта обследованного села: карта № Ф 94 «Вид согласной в слове *момче* [мальчик]» (*монче́*), карта № Ф 95 «Распространение форм с *н* в слове *вътре* [внутри]» (*уне́тре*), карта № Ф 107 «Распространение мягкой согласной *к* в наращении *-ка* в словах типа *майка* [мать], *ръкойка* [пучок сжатых колосьев], *люлка* [колыбель], *селянка* [крестьянка]» (*ма́йк'ъ* ‘мать’, *носи́лк'ъ* ‘носилки (для гроба)’, *пости́лк'ъ* ‘постель (в гроб)’, *драга́йк'ъ* ‘ритуальный персонаж’, *влаи́нк'ъ* ‘румынка’), карта № Ф 114 «Сохранение эпентетичной согласной в форме существительного *земя* [земля]» (*земн'ъ́*), карта № А 63 «Ударение в прилагательном *добър* [добрый, хороший]» (*до́бър*), карта № А 85 «Ударение в двусложных формах мужского рода ед. ч. действ. причастия прош. вр. от глаголов I и II спряжения типа *мина*, *ходя* – *минал*, *ходил* [прошедший, ходивший]» (*мина́л*,

---

2 Болгары в Румынии используют название на латинице Asociația Balgarska Radost (по-болгарски Асоциация Българска Радост, рум. Asociația Bucuria bulgară).

3 В статье русская транслитерация названия села соответствует румынскому произношению, а не молдавскому (Бэлени-Сырби). В разговорном языке село в соответствии с румынской традицией называют по первой части топонима, причем «по-болгарски», т.е. без смягчения, – *Бъле́н*.

inslav

оди́л), карта № Л 6 «Названия *софры* [ритуального трапезного столика]» (*сини́йъ*), карта № Л 12 «Названия ручки котелка, ведра» (*пр҃возло́*), карта № Л 54 «Названия колодца» (*гера́н*), карта № Л 54 «Глаголы со значением ‘хотеть’» (*са́кам*), карта № Л 92 «Глаголы со значением ‘заходить’ в сочетании “солнце заходит”» (ср. *за́от сл҃нце*; глагол отсутствует), карта № Л 106 «Вид наращения в слове “камень”» (*ка́мик*). Можно заметить, что среди диалектных примеров, приведенных в скобках, встречаются и термины традиционной культуры. В настоящей статье будет показано, что и лексика народной духовной культуры в обследованном селе характерна для северо-западного болгарского ареала, в котором сохраняется одна из самых архаичных традиций на Балканах.

Церковь, кладбище. Для настоящего исследования важно отметить, что в селе существуют две церкви, называемые болгарской и румынской, которые находятся в болгарской и румынской частях села соответственно[4]. С церковью тесно связана как погребальная, так и поминальная обрядность (ныне даже некоторые народные традиционные поминальные обряды совершаются только в церкви), кроме того, при обеих церквах находятся обширные кладбища, где хоронят своих родственников болгары и румыны. На болгарском кладбище нет румынских захоронений, если не считать символического захоронения в передней части кладбища костей «героев» разных войн, в основном – Второй мировой (аналог могилы неизвестного солдата), над которым установлен обелиск с надписью «Героям с. Бэлень-Сырбь, павшим, защищая независимость и целостность Отечества» (Eroilor din Băleni-Sârbi căzuţi pentru independenţa, întregirea şi apărarea patriei). Как следует из интервью с сельскими жителями, их родственники действительно воевали и погибали на восточном фронте во время Второй мировой войны. В начале

4 Румынская церковь, Рождества Иоанна Предтечи, является памятником архитектуры XVIII в., на ее западной стене имеются портреты ктиторов – князей Бэляну (Баляну), с которыми связывается основание села; болгарская церковь, со слов информантов, была построена в 1886 г. и расписана после 1888 г. В 2000 г. эти фрески, потемневшие от времени, к сожалению, были утрачены при поновлении стенных росписей. Болгарская церковь первоначально была освящена в честь св. Параскевы (*сфе́та Параски́ва*) и позднее переосвящена в честь св. Николая (*сфе́ти Нико́ла*). Жители традиционно отмечают и старый престольный праздник – *ма́лкийъ храм* ‘малый престольный праздник’, 14 октября н. ст., и новый – *голе́мийъ храм* ‘большой престольный праздник’, 6 декабря (*храм* < рум. *hram*, *-muri* n ‘престольный праздник’ < ц.-слав. хра́мъ ‘дом, храм’). Оба праздника отмечаются на территории церкви – после литургии организуется трапеза в церковном дворе.

inslav

кладбища хоронят и священников. Записан нарратив о том, что священник, похороненный здесь (*поп Васил*), сначала приготовил себе могилу в средней части кладбища, но ее отдали другому человеку, так как считается, что негоже священнику быть похороненным не в начале кладбища:

> Съгá дрýго мéсто, че той е пóпъ, да бъ́де у срéдъ на грóбиштътъ да седи́ – срам. Той да бъ́де пр̫́в [Сейчас (могила) в другом месте, потому что он священник, посреди кладбища чтобы он был – стыд. Он должен быть первым] (ТГ).

Болгарскую церковь посещают также только болгары:

> Нéма влá, нéма еди́н влася́нин у чéрковъ [Нет (ни одного) румына, ни одного румына нет в (болгарской) церкви] (ДВ).

При этом богослужение ведется на румынском языке (это связано, конечно, с тем, что это епархия Румынской православной церкви), один из священников, Михаил Мога (ММ), является этническим румыном, два других (Пауль Драгомир (ПД), настоятель, и Мариан Драгомир, 1982 г. р.) – болгарами (и двоюродными братьями). Несмотря на это, казалось бы, уже привычное состояние и абсолютный билингвизм болгарского населения имеется и интерес к службе на церковнославянском языке. Так, от информанта Василе Дана (ВД), бывшего певчего на клиросе, записано, что он бы хотел, чтобы служили «по-болгарски», и даже помнит отрывочно службу, которую слышал на церковнославянском:

> Не сме оста́вени да слугу́ваме бл̫́гарски. <…> Дори́свам да до́де еди́н по́п да слугу́ва булга́рски и да́скал’е да до́де да ръспу́нда la stráne <…> (поет) «Просфе́тънъ Бо́жа Ма́йк’ъ, ти съ мо́лим ни́е тебе́…», <…> «Сфе́ти Бо́же, сфе́ти кре́пи, сфети́ бесме́ртвъ, поми́луй на́зе», <…> па ръспу́нсовете на че́рковътъ, кои́ речъ́т: «Doámne, miluiéşte», – «Го́сподни, поми́ли». <…> Йа дори́свам[5] да до́де еди́н бл̫́гарин [У нас не осталось богослужения на болгарском. <…> Я бы хотел, чтобы приехал священник и служил по-болгарски и чтобы певчий ему отвечал с клироса (по-болгарски) <…> (поет) «Пресвятая Богородица, мы тебя молим…», <…> (поет начало «Трисвятого») «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас», <…> и ответы в церкви, те, что пропеваются: «Doámne, miluiéşte», – (вместо этого чтобы пели

---

[5] Ср.: *ръспу́нда* < рум. *a răspúnde* ‘отвечать’, *ръспу́нсове*(*те*) < рум. *a răspúns*, *-suri* n ‘ответ’, *дори́свам* < рум. *a dorí* ‘желать’, ‘хотеть’.

inslav

по-болгарски) «Господи, помилуй» (все церковнославянские тексты произносит искаженно). Я бы хотел, чтобы служил болгарин] (ВД).

О погребении, могилах, крестах см. далее в разделе «Погребение, могила».

В с. Бэлень-Сырбь, как и повсеместно на Балканах, в погребально-поминальной обрядности фиксируется большое число суеверных представлений, отмечается синкретизм христианских и дохристианских верований.

Предвестия смерти. Предвестниками смерти в традиционной культуре могут быть определенные сны, необычное поведение животных, повторное цветение или увядание растений, аномальные явления природы, предметные и телесные знаки, обрядовые приметы (Толстая 2012: 64–68), ср. (Бизеранова 2013: 88–94; Маринов 2: 517, 518; Marian 1995: 7–14), встреча человека с мифологическими персонажами. В целом ареале (Северо-Западная Болгария, Юго-Восточная Сербия, Юго-Западная Румыния) существует поверье, что крик сыча домового, Athene noctua, который издает резкие звуки, похожие на звуки испуганного котенка или крик младенца, предвещает смерть, ср. (Маринов 2: 517; Маринов 1: 162; Узенева 2004: 338; Плотникова 2004б: 123; Бизеранова 2013: 90; Marian 1995: 8)[6]:

СГ: Бу́хлица е кукумя́фкъ. Ний ви́каме «ку́ку» на румы́нски. <…> Ка́а, че кы́то ти пе́е кукуме́кете «алилу́и», га́ta. ТГ: Ше спре́ [СГ: Сова (сыч, филин) – это «кукумявка». Мы говорим «ку́ку» по-румынски. Говорят, что, когда тебе сыч поет «аллилуйя», всё, конец. ТГ: Умрет (букв. ‘остановится’)].

Также смерть человеку предвещает встреча с мифологическими персонажами, а именно с самодивами: человек онемеет или умрет, если он увидел самодив и обнаружил себя, заговорил; если наступил на место, где они собирались и водили хоровод, *о́ро* (АГ; СГ), ср. представле-

---

6 На самом деле сыч является предвестником смерти в более широком ареале, с ним, а также с другими птицами семейства совиных связаны представления о смерти у всех славян (Гура 1997: 568–586), а также у других индоевропейских и не только индоевропейских народов (Вакарелски 2008: 81–83). Слово, обозначающее сыча и имеющее звукоподражательное происхождение, или междометие, обозначающее крик сыча, фиксируется и у других балканских и имеющих с ними контакты народов – сербов, румын, греков, албанцев, итальянцев, а также у турок (БЕР 3: 102, 104–105).

inslav

ния с сербско-болгарского пограничья (с. Дойкинцы, Восточная Сербия) о том, что, если человек услышит крик самовил, в его семье кто-нибудь умрет (Плотникова 2004б: 105) или, если он приблизится к колодцу или реке, где купаются самодивы, и они его заметят, он умрет сам (Маринов 2: 63). Самодивы (*самоди́ви*, *самоди́вици*, *йе́ле*[7]) как принадлежащие тому свету воспринимаются в одном ряду с нечистыми покойниками или даже как происходящие от них:

> Йе́ле се́ упъ́тено бе́ше. О́ди с ена́ му́зикъ, се́ умре́ло [«Ели» – всё воплотившиеся покойники. Ходят с музыкой, всё одно – умершие] (СГ).

Ср.: «Считается, что самодивы происходят от нечистых покойников и могут являться причиной смерти человека и забирать души умерших» (Бизеранова 2013: 138). Термин *самоди́ви*, употребляющийся в селе наряду с румынским *йе́ле*, встречается только на болгарской этнической территории, кроме ее юго-запада, в том числе во всем северо-западноболгарском регионе (Плотникова 2004а: 614–624, карта II–3–1а).

Умирание и смерть. Зафиксированная в с. Бэлень-Сырбь терминология, связанная с умиранием, в целом соответствует терминологии на сербско-болгарском пограничье и в Северо-Западной Болгарии; некоторые записанные верования распространены шире и фиксируются также на румынской территории. Для обозначения состояния агонии употребляется выражение *те́гли да мри́* ‘мучается, страдает перед смертью’, букв. ‘тянет умереть’, ‘протягивает смерть’, ср. сев.-зап. болг. *те́гл’е* ‘агонизировать’ (Бизеранова 2013: 127, 141, 145, с. Ново Село, область Видина; ср. там же *тъ́гляне* ‘предсмертная агония’ – БЕР 7: 885). Слово *те́гля* (*те́глим*) в значениии ‘страдать, мучиться’ распространено в более широком ареале на болгарской территории, а также у банатских болгар, однако выражение *те́гли да мри́* как идиоматическое не фиксируется в этнографических описаниях.

Считается, что мучается колдун (который *врачува́* ‘колдовал’), особенно который не признается в том, что он колдовал, а также грешный человек, который на исповеди скрыл свои грехи:

> Ка́а, че той и́ма не́ко пока́а те, па не йе каза́л, па затова́ те́гли то́лко мло́го. Ка́а, че не йе каза́л, ко съ йе исповедва́л [Говорят, что у него осталось, в чем покаяться, но не сказал, поэтому мучается долго. Говорят, что не сказал (о грехах) – тот, кто исповедовался] (СГ).

---

7 От рум. *éle*, букв. ‘они’ (табуированное обозначение женских мифологических персонажей «самодив»).

inslav

Если человек долго не может умереть, приглашают священника, который отрезает часть от свечи, горевшей на Пасху, и зажигает ее в присутствии покойника. В данном обычае помимо магических свойств, которыми наделяются пасхальные и венчальные свечи, можно отметить и то, что в Валахии и на болгарско-сербско-румынском пограничье большое значение придается наличию света (освещения) в момент смерти: считается, что человек обязательно должен умереть при освещении (горящей свече) – *ви́дело* (Васева 2012: 256; Бизеранова 2013: 142, 145, 147, 158), чтобы душа добиралась на тот свет не в темноте (Вакарелски 2008: 94–95). Иначе душа будет скитаться и блуждать в темноте (Маринов 2: 519, ср. Marian 1995: 23–26), будет находиться в вечном мраке (Зечевић 2007: 38). В данном ареале тому, кто умер в темноте, в течение 40 дней ставят свечи в трех церквах, чтобы «ему светил Господь на том свете» (с. Ново Село, окрестности Видина: Бизеранова 2013: 155; то же распространено в румынских селах: там же: 330); для них разжигают поминальные костры в предпасхальный период (Агапкина 2002: 271). Также в селе для облегчения страданий умирающего приглашают человека, в присутствии которого прекращается агония:

> «А́йде мъ, че те́гли ми си́кътъ», да́де ми од Го́спот, не од ме́н, по́вече о́ра мъ ви́кът да и́да да разре́ди. Да не май съ мъ́чът [«Приходи, потому что у нас сейчас мучается, не может умереть», дано мне от Бога, не от меня, часто люди меня зовут, чтобы я пришла и чтобы прекратились страдания] (СГ).

Умершего называют *мр̥това́ц*, *смр̥тни́к*, *умре́л*, *мр̥́тоф* (ср. Узенева 2004: 338, с. Глоговица, Трынский край; Трефилова 2004: 388, с. Стакевцы, окрестности Белоградчика; Маринов 2: 532 и др.), также об умершем говорят *запре́ чове́къ* ‘умер человек’, букв. ‘остановился человек’, *запре́л од живо́тъ* ‘остановился от жизни’ (ТГ), *си испра́иле ните́* ‘расправились нитки’, *си испра́ᵘл коне́ц* ‘расправилась нить’, *си испра́илъ păpiotă* ‘расправилась (размоталась) катушка для ниток’ (СтД)[8]. Указанные метафорические выражения свидетельствуют об архаичных представлениях, согласно которым жизнь представляется как намотанная на катушку нить, которая постепенно разматывается.

По мнению В. Васевой, одним из главных отличий румынской и болгарской погребальной обрядности являются сроки погребения по-

[8] Двумя последними выражениями информантка, по-видимому, пояснила первое. Ср. болг. *откинвам конеца*, *откъсвам конеца* ‘умирать’, букв. ‘откидывать нить’, ‘отрывать нить’, *навива ми се конеца* ‘старею’, букв. ‘наматывается моя нить’ (ФРБЯ 2: 70; ФРБЯ 1: 608).

inslav

койного: у румын это третий день после смерти, у болгар – следующий день, причем болгары-переселенцы частично переняли румынский обычай хоронить на третий день (Васева 2012: 250). В соответствии с румынской традицией хоронят на третий день и в с. Бэлень-Сырбь.

Практически повсеместно на Балканах над покойным бдят, покойника «стерегут», чтобы его не перескочила кошка, так как верят, что в этом случае он может превратиться в вампира, который будет возвращаться и беспокоить живых (покойник может превратиться в вампира, если через него или через могилу что-нибудь передать, если перепрыгнуть через могилу во время похорон). Широко практикуется бдение над усопшим и у румын (Паня 2017: 34). В обследованном селе такого ходячего покойника называли *съ упл҃тил* ‘воплотился’. Также существовало поверье, что «воплотиться» мог и некрещеный ребенок, т. е. «воплотившийся» – это также любой «нечистый» покойник:

> (Ако дете умре некръстено), гро́зна ра́ботъ. Бр҃зът… Копа́ът без поп, без ни́што. Не съ ка́ди, че не кр҃шта́ва. Покра́й плитѣ, не на гро́биштътъ. [Ще доажда ли да дири макя си?][9] А, да съ упл҃ти. Знаш, къ вѣрдиме мр҃твийъ? Вѣрдът да не ми́не ко́ткътъ през мр҃твийъ, че съ упл҃ти па до́де па бу́а, тро́ши, па съ пла́шиш. [Къ съ вика за тоя?] Съ упл҃тва. Съ упл҃тил. (Ако дадеш) за пома́нъ, не́ май доо́ди. Чове́к, женѣ съ упл҃тва. Чу́ка по гр҃не́те, пани́ци, по тава́н’ъ [Если ребенок умрет некрещеным, страшное дело. Торопятся (покрестить)… (Если не покрестили), хоронят без священника, безо всего (т. е. без отпевания). Не кадят, потому что не крестили. Хоронят около ограды, не на кладбище. (Ребенок возвращается, ищет свою мать?) А, который «воплощается». Знаешь, как мы стережем умершего? Стерегут, чтобы не перепрыгнула кошка через покойника, потому что он «воплотится» и будет приходить, и громыхать, и разбивать, и будешь бояться. (Как называют такого?) «Воплощается», «воплотившийся». Если дашь за помин души, больше не будет приходить. Мужчина, женщина «воплощается». Стучит по горшкам, по мискам, на чердаке] (СГ).

Ареал термина типа *плътеник* ограничен компактной зоной на северо-западе Болгарии (Плотникова 2004а: 216, 634–645, карта № II–3–2; Бизеранова 2013: 495, карта № 4); таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в селе сохраняется архаический термин, характеризующий аутентичную болгарскую традицию. Также в селе известен тер-

---

[9] Вопросы задавались на языке, приближенном к диалекту села; литературный болгарский язык информанты понимают с большим трудом.

inslav

мин *вр̥кола́к*, записанный в контексте родинной обрядности (ребенка *опа́лвът од вр̥кола́ци* ‘кадят, чтобы защитить от «вырколаков»’), который характеризует северные территории Болгарии (Плотникова 2004а: 634, карта № II–3–2) и румынскую традицию.

Представления о душе и том свете и связанные с ними погребальные принадлежности. В селе считается, что душа человека находится на земле 42 дня (*шес не́деле* ‘шесть недель’) и по истечении этого периода переходит на тот свет, тогда устраивают большие поминки (*пома́нъ*, *шес не́деле* – соответствуют сороковинам), этот период отмечают как в Румынии, так и на северных территориях Болгарии. Термин *пома́на* – румынский (*pomană*, *-meni* f), однако является заимствованием из языков славянских соседей, а на болгарской территории (северный и северо-западный ареалы) в такой огласовке встречается как заимствование уже из румынского (о поминовении усопшего подробнее см. ниже). По-румынски *pomană* значит и само поминовение, и дары, подаяние за усопших. В таком синкретичном значении слово употребляется и болгарами с. Бэлень-Сырбь, оно зафиксировано в этнографической литературе еще в XIX в. (Маринов 2: 542–543) и широко распространено в Видинской области (Бизеранова 2013: passim), а также в районе Бяла-Слатины и в Восточной Сербии на болгарско-румынско-сербском пограничье (Плотникова 2004а: 590–597, карта II–2–6б). После больших поминок *на шес не́деле* душа отлетает (*фр̥́га*), переходит границу между тем и этим светом и отправляется в рай или ад (*рай* и *йад*, ср. рум. *rai* и *iad*):

> Откъ́м напра́ише де ша́се съптъмы́н[10], фр̥́кне, не́ май ве́че, не́ма го ве́че тук дома́. Преми́на ва́мътъ тъги́н, и́де ув ниво́то [Как пройдет шесть недель, отлетает, больше нет, нет его уже здесь, до́ма. Перешел к тому времени таможенную границу (между тем и этим светом), идет на один из уровней] (СГ).

Также ад может называться румынским словом *pắcură* ‘мазут’ (ср. у болгар метрополии *катра́н* ‘смола, деготь’), где скрежет зубов (*де́къ съ скрънти́свът зъби́те*[11], СтД). Тот свет обозначается уникальным термином – *бе́лийъ све́т*, букв. ‘белый свет’. Верят, что грешник будет мучиться в аду (аналогичные верования румын о рае и аде ср.: Marian 1995: 291–304):

---

10 *De şase săptămîni* ‘на шесть недель’.

11 Слово образовано от румынского корня и оформлено болгарскими аффиксами, однако здесь, видимо, произошла контаминация рум. *a scrîntí* ‘вывихнуть’и *a scrîşní* ‘скрежетать’ (DRR).

inslav

Кой е кра́л, кой е пребива́л, съ мъ́чи мло́го. <…> Бе́лийъ свет. Йад и рай. У ра́йъ, ка́а, че би Го́спот [Кто крал, кто убивал, мучается сильно. <…> «Белый свет». Ад и рай. В раю, говорят, Господь] (СГ).

Бе́лийъ свет. Пла́мне у земн’ъ́тъ. Пъ́куръ. Де́къ съ скрънти́свът зъби́те [«Белый свет». Пламя в земле. Смола (мазут). Где скрежет зубов] (СтД).

Кой прави́ ло́шо, ше го взи́ма дя́волъ па гу ту́рва у пъ́куръ [(Говорят, что) кто творит зло, его возьмет дьявол и бросит в смолу] (ТГ).

Раньше в селе были мастера, которые сколачивали гроб и делали кресты, сейчас гробы покупают, а аутентичные кресты недавно перестали делать (о крестах см. далее), так как умер последний мастер. Для гроба покойника измеряли ниткой (ее цвет был не важен) или стеблем тростника (*тр̥сли́гъ*[12]), который затем клали на чердак. Он там лежал, пока не сгниет:

Йи́ма ме́ркъ, зе́мът од дома́, от чове́къ, кой у́мре, занесъ́т там. [С фо земат?] С коне́ц. Од напре́де зи́маа от тр̥сли́гътъ. Го пра́ът дома́ па го ме́рът с тр̥сли́гътъ. Па си́къ го купу́вът гото́ф. Од gáta. Од магази́нъ. Го ка́чът на тава́н’ъ [Была «мерка», ее берут из дома, снимают мерку с человека, который умер. (При помощи чего снимают?) При помощи нитки. Раньше снимали мерку стеблем тростника. Это делают дома и измеряют его тростником. А сейчас покупают готовый (гроб). Из готовых. Его (тростник) закидывают (потом) на чердак] (СтД).

Обычно пожилые люди (*д̥́тите о́ра*) готовят себе узелок (*бохча́*) со смертной одеждой (*парца́ле за см̥́т*). В качестве подстилки и наполнения подушки используют солому или коноплю (*кл̥чи́шта*), это соответствует бытующим в рассматриваемом ареале представлениям о том, что покойника не следует класть на пуховую перину, чтобы он не перегрелся и не раздулся (Васева 2012: 261)[13]. По периметру (*по кра́а*) гроба укладывают белое полотно, на дно гроба кладут коноплю, простыню (*чаршаф*) и на нее – одетого в смертную одежду покойника. Под новую одежду,

---

12 Ср. сев.-зап.-болг. *тръсталага* ‘стебель тростника, мерка для гроба’ (Маринов 2: 529), а также серб. *тр́сльика*, *тр́шљика* и др. ‘то же’ (БЕР 8: 333). При помощи стебля тростника снимали мерку в румынском селе с болгарским населением Извоареле, эту мерку затем клали в гроб (Васева 2012: 260).

13 В с. Извоареле на дно гроба кладут посконное (конопляное) покрывало, там записано верование, что «конопля (пакля) – борода Бога» (*кълчишката е брада на Господа*) (Васева 2012: 261).

inslav

Флоаря Чумпуэру показывает узелок со смертной одеждой (на фото внизу справа) и то, как ей должны положить на руку полотенце в гроб, чтобы она утирала им слезы на том свете. Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

приготовленную покойником для себя, надевают «смертную» рубашку (*рúзъ de moárte*[14]), которую шьют из полотна длиной в 10 локтей и которая выполняет функцию савана. Часто старики готовят по две рубашки, вторую – для приношения на большие поминки, 42 дня (*шес нéделе*); в румынской традиции считается, что эта одежда предназначена для усопшего на том свете (Олтяну 2010: 39). Информантка Флоаря Чумпуэру на вопрос, зачем нужна вторая рубаха, ответила: «Па да нéма съблечѣ́т там да мъ остáнът голá» [И чтобы меня не раздели там догола] (ФЧ). В Северо-Восточной Болгарии (Генчев 1974: 290), а также в Южной Румынии (Васева 2012: 258) бытуют сходные представления о самом саване, «внутренней» рубахе, который надевают на покойника под одежду и в котором, полагают, человек предстает перед Богом. На голову женщине повязывают платок, *чомбéр* (слово характерно и для северо-восточноболгарского региона), рум. *broboádă*, *-de* f ‘шаль’, ‘головной платок’. Че-

14 Скорее всего, это контаминированный болгаро-румынский термин.

inslav

рез руку покойнику перекидывают полотенце (*просóн*[15]), чтобы он смог утирать слезы на том свете, когда будет там плакать (ср. обычай класть полотенце для рук у болгар-католиков с. Винга в Трансильвании, который иноформанты уже не могут объяснить, – Васева 2012: 259):

ТГ: Кр̫па съ ту́рва на ръкъ́тъ. [Защо се турва на ръката кърпата?] ФЧ: Йаз да съ три́йъ по́вече, да съ три́йъ по бе́лийъ свет. <…> ТГ: Просо́п за попо́вете? ФЧ: Не е за попо́вете. Тъва́ за ръце́те. ТГ: Ти си подго́твила по́вече? ФЧ: И́мам деца́ мр̫тви, па де́къ… [Защо са тези просопи?] Йа др̫жи́м у ръкъ́тъ. [Що са два?] И́мам деца́, моми́четъ. Да съ три́йът и ти́йъ, и йа еди́н. [Умрели момичета?] Да, да. Ня́мам ни енно́ дете́ ве́ке, ний и́ма три мончéтъ, и три́те ми умре́а. Ня́мам ни енно́. Еди́н да ми го зе́мът деца́та, и еди́н йа. Мр̫твите. Да съ три́йът и ти́йъ по очи́те. ТГ: Ако ревъ́т по бе́лийъ све́т. Просо́п да съ три́йът по очи́те сл̫зи́ [ТГ: Полотенце кладут на руку. (Зачем кладут на руку полотенце?) ФЧ: Чтобы мне утираться больше, чтобы утираться на том свете. <…> ТГ: Полотенце для священников (в дар)? ФЧ: Не для священников. Это на руки. ТГ: Ты подготовила с запасом? ФЧ: Я буду держать на руке. У меня есть дети, дочки. Чтобы утирались и они, а одним – я. (Умершие дочки?) Да, да. У меня нет уже ни одного ребенка, у нас было три мальчика, и все три умерли. Нет ни одного. Одно (полотенце) возьмут дети, а одно – я. Мертвые. Чтобы и они утирали слезы. ТГ: Если будут плакать на том свете. Полотенце – для того чтобы утирать слезы на глазах].

В ноги покойному кладут тряпичную сумочку, в которой все, кто подходит прощаться с покойником после отпевания, оставляют деньги. Считается, что этими деньгами покойный заплатит пошлину на границе этого и того света:

[Защо ти е търбата?] ФЧ: Торбъ́тъ... ми коги́ у́мръ, ми ту́рвът и мен торбъ́тъ, де́ка ту́рвът пари́. [Къде се тури торбата?]: ТГ: Се́ у ко́фчегъ, ФЧ: у кракъ́. ТГ: Ф торбъ́тъ де́то да ту́рвът пари́, да пла́шта ва́мъ – гра́ницътъ между́ жи́вийъ свет и мр̫твийъ свет. С тъва́ съ ту́рвът пари́ в торби́чкътъ на мр̫твийъ [(Для чего тебе торба?) ФЧ: Торба (платяная сумочка, мешочек)… ну, когда я умру, положат и мне торбу, куда кладут деньги. (Куда кладут торбу?) ТГ: Всё в гроб, ФЧ: в ноги. ТГ: В торбу, в которую кладут деньги, чтобы заплатить пошлину – за переход границы между живым и мертвым миром. Поэтому кладут деньги мертвому в торбу].

15 Рум. *prosóp*, *-soápe* n ‘полотенце’.

inslav

Представления о «таможне», границе, на которой платят пошлину (*вáмъ*, рум. *vámă*), и о том, что покойник должен ее миновать, распространены и на болгарско-сербско-румынском пограничье, где отмечается практика класть деньги покойнику в карман одежды (Бизеранова 2013: 134, 145–146). То же встречается и у болгар Румынии, однако в католической традиции священники выступают против этого обычая, и у болгар-католиков он почти исчез (Васева 2012: 261). Несмотря на то что в разных славянских традициях покойнику в гроб кладут деньги с целью выкупа на том свете, за перевоз через «огненную реку», чтобы «св. Петр пустил его в свою ладью» (Агапкина, Плотникова 1999: 57) и т. д., представление о таможенной пошлине, скорее всего, заимствовано славянским населением вместе с термином (*вáмъ*) у румын, ср. у румын, у влахов в Сербии и Болгарии представление о переходе через 40 или 44 таможенные границы (Бизеранова 2013: 180, 231); подробно о переходе границы между этим и тем светом в верованиях румын см. (Marian 1995: 286–290). С другой стороны, это верование может поддерживаться общеправославными представлениями о 20 мытарствах, которые проходит душа умершего, известных из включенного в житие Василия Нового виде́ния преп. Григория о мытарствах блаженной Феодоры.

Покойника закрывают белым полотном, на котором отпечатаны или вышиты христианские символы (*по́кроф*); лексема повсеместно распространена в Северо-Западной Болгарии (Бизеранова 2013: 502, карта № 11), видимо, в значении ‘покрывало для покойника’ (в указанном труде на карте дефиниция ‘саван’ двусмысленна, так как слово *саван* может означать как покров, так и рубашку – БЕР 6: 401). *По́кроф* определяют в первую очередь как «полотно покойнику на глаза» (*платно́то на очи́те на мр҃твийъ*, СтД), чтобы у покойника «не было контакта с этим светом» (ТГ), ср. (Васева 2012: 257).

Также старый человек, который приготовил смертную одежду для себя, заботится об «одежде» для того, кого выкопают из могилы при погребении (при положении в могилу нового покойника выкапывают прежнего при условии, что он сгнил до костей, и совершают с костями специальный ритуал). В частности, баба Флора (ФЧ) для своей дочери, гроб которой выкопают и кости которой сложат отдельно (так называемое вторичное, или повторное, погребение, см. ниже), помимо полотенца для утирания слез подготовила головной платок, который положат на кости или повяжут на череп ее дочери при повторном погребении и который обозначит, что прежний покойник был женщиной.

В селе когда-то существовал широко распространенный у всех славян обычай хоронить незамужнюю девушку в одежде невесты, а неженатого парня – в одежде жениха, однако это помнят только самые старые информанты.

inslav

Записаны специфические балканские верования об «одномесячниках» и «однодневниках» (родившихся от разных матерей в один день или на одной неделе)[16], которых следует разделять в случае болезни или смерти одного из них и над которыми раньше совершали специальный ритуал около реки (СГ), ср. описание этого ритуала в том же регионе в контексте погребальной обрядности: (Маринов 2: 550–552; Бизеранова 2013: 387–389). В настоящее время эти верования и практики, судя по всему, утрачиваются.

Погребение, могила. Специального термина для погребения в с. Бэлень-Сырбь не фиксируется, что связано в первую очередь с отсутствием лексики с отвлеченным значением в разговорном языке, каковым является болгарский диалект. Говорят, что человека *закопáвът* ‘закапывают, хоронят’. Погребение происходит после полудня, около часа дня. Покойника в гробу выносят из дома ногами вперед. Следят, чтобы никто не украл веревку (рум. *cordeá*, *-déle*), которой были связаны ноги покойника. При помощи этой веревки колдуют – «забирают благополучие из дома, урожай» (*зи́мът спóръ*, СГ, СтД; *зи́мът спóръ на рекóлтътъ*, ТГ), а также «завязывают» молодых, чтобы они не смогли обвенчаться (*вр̫́звът вéнчануту*, ТГ).

> СГ: Па съ крадé еди́н кордéл, къдé му вр̫́жът кракáтъ, прáът маги́и с нéго. ТГ: Зи́мът спóръ на рекóлтътъ. Вр̫́звът вéнчануту, младожéнците не съ жéнът [СГ: И воруют веревку, которой связывают ноги покойника, колдуют с его помощью. ТГ: Забирают «спор» урожая. «Завязывают» венчание, жених и невеста не женятся].

Священники (*попóвете*) с церковнослужителями, в частности с певчим (*дáскалу*), приходят с церковными хоругвями (*флáговете*, *steáguri de înmormântáre* ‘погребальные знамена’) к дому умершего. Всего традиционно носят шесть хоругвей, часть из которых черные, а часть – обычные церковные хоругви с образами святых. На хоругви прикрепляют (например, привязывают на древко) заранее подготовленные новые полотенца, которые являются дарами священникам и певчему. Гроб кладут на носилки (*носи́лк’ъ*, сведения о носилках для гроба и та же лексема – *носилкята* – зафиксированы на северо-западе Болгарии еще в XIX в., см.: Маринов 2: 532), а в последнее время его ставят в катафалк, однако носилки все-таки используют: во время отпевания в храме гроб стоит на носилках. За гробом несут корзины с поминальной едой, а также специальную корзину с подарками участникам похоронного шествия. Про-

16 Об этих верованиях см. (Плотникова 2004в), там же библиография.

inslav

цессия во главе со священниками движется от дома умершего к церкви, женщины по пути голосят по покойному. На перекрестках священники останавливают шествие, поют и «читают молитвы» (ТГ)[17]. Когда процессия приближается к церкви, на колокольне звонарь (это может быть тот же певчий) начинает звонить в колокол (*те́гли ка́мбулуту*); по старому человеку не принято долго и торжественно звонить, по молодым звонят дольше. Покойного в гробу заносят в храм ногами вперед, ставят гроб на носилки так, чтобы покойный был лицом к алтарю. В ногах покойного у гроба помещают крест, в головах ставят три корзины с поминальной едой для поминовения на три дня, на девять дней и для поминовения покойника, которого выкопали при погребении нового, затем отпевают, разворачивают гроб опять ногами вперед к выходу и выносят покойного:

> Три кошо́ве: за три́ дни, за де́вет и кое́ ва́ди. Еди́н ко́шник с ено́ блю́до, ено́ жи́то, на ма́съть, за кой го изва́диле ста́рийъ мр̥́тоф. За ста́рийъ мр̥́тоф. И ту́рва жи́тото, му четъ́т, и ко́калете съ му ф торбъ́ тук, на кракъ́тъ. Што́м завр̥́ши слу́жбътъ, ста́рите уо́ра го обра́штът и изла́зът навъ́н [Три корзины: на три дня, на девять дней и (за поминовение того), которого вынимают. Одна корзина с одним «блюдом» (поминальным хлебом), одним коливом – на стол (в церковь) за помин души того, которого выкопали, за помин «старого» покойника. За «старого» покойника. И кладут коливо, отпевают, и его кости (выкопанного покойника) здесь, в ногах (того, которого хоронят сейчас). Когда заканчивается отпевание, старики разворачивают гроб с покойным и все выходят из церкви (выносят покойника также ногами вперед)] (ТГ).

Священник кадит могилу, и покойного опускают при помощи ремней или строп в могилу. Священник символически бросает в могилу землю, могилу закрывают крышкой (плитой). Запрещалось перепрыгивать через могилу, считалось, что из-за этого покойник может «воплотиться»:

> Ка́а, че да не до́де да тро́па, да бу́а [Говорят, чтобы не пришел стучать, громыхать] (СтД).

Могила представляет собой выложенную кирпичом гробницу,

---

17 Ср.: «…обязательный элемент погребального шествия – остановка на каждом перекрестке» (в Видинской области Болгарии; Бизеранова 2013: 228); также: «Если есть священник, носилки ставят на каждом перекрестке и священник кадит покойника. Если нет священника, это делает старая женщина. Покойника кладут на перекресток, чтобы в селе не случилось ничего дурного (*от зло за селото*)» (Маринов 2: 532).

inslav

Болгарское кладбище в с. Бэлень-Сырбь. *Кавóу* (могила в виде подземного склепа с крышкой на поверхности). Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

обычно двухъярусную. С одной стороны в могиле остается пустое место с крышкой (*капáк*), чтобы опустить в него гроб и затолкнуть на определенный ярус. Если могила рассчитана на четырех человек, то это пустое место находится между этими парами выложенных кирпичной кладкой ярусов. Когда гроб помещают на ярус (*на етáжъ*), крышку закрывают и завинчивают (заковывают). Как правило, такая крышка металлическая. Вся конструкция гробницы называется румынским словом *cavóu*, *-uri* n ‘склеп’. Такой *кавóу* дороже, чем обычная гробница, закрываемая плитой. Гробницы распространены также в Северо-Западной Болгарии (Бизеранова 2013: 206; Трефилова 2004: 389), однако там в конце XX в. из-за дороговизны гробниц уже хоронили в обычных могилах. Если есть необходимость выкопать новую могилу, это делают точно так же, как зафиксировано в этнографических описаниях XIX в.: старая женщина (или несколько) идет с мастерами-мужчинами к новому месту, кадит землю, а затем мужчины выкапывают могилу и облицовывают ее кирпичом. После каждения могилы ее могут полить крест-накрест вином (Маринов 2: 529; Бизеранова 2013: 295), здесь это не записано. Могилу роют в день похорон, считается плохой приметой оставлять могилу на

inslav

ночь (ТГ); ср. (Васева 2012: 259–260). Ср. сходные практики, связанные с копанием могилы, у румын: (Паня 2017: 57).

В селе сохранилась традиционная архаичная лексика, связанная с оплакиванием покойного и характерная для региона метрополии, откуда переселились болгары (Плотникова 2004а: 576–581, карта II–2–5б; Узенева 2004: 340; Трефилова 2004: 390): о плачущих говорят *ре́дът* ‘причитают’, о тех, кто умеет оплакивать, – *зна́ът да ре́дът* ‘умеют причитать’, *ревѣ́т у́баво* ‘хорошо оплакивают’, *уре́дът* ‘оплачут’ (СтД, СГ, ТГ).

После погребения на могиле устанавливают деревянный крест (*кр̫́с*, *кр̫́с од др̫́во*), который стоит, пока не начнет гнить. Подгнившие кресты сжигает церковный служка на костре в углу кладбища. По сведениям информантов, на таком костре топят церковный воск. Кресты в обследованном селе являются уникальными и представляют собой практически исчезнувшую в метрополии архаичную традицию. Кресты антропоморфны (в этнографической литературе их принято называть куклами) и различаются в зависимости от пола покойного: женский крест представляет

Мужской и женский антропоморфные деревянные кресты-«куклы» на болгарском кладбище в с. Бэлень-Сырбь. За женским крестом (справа) виден старый каменный крест. Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

inslav

собой человекоподобную фигуру «в косынке» (*забра́ткъ*), с вытянутым концом на «голове»; «на голове» же мужского креста вырезан крест[18]. По истечении года со дня смерти на могиле устанавливают каменный памятник. Существует верование, что покойник носит крест на том свете, поэтому крест делают из дерева, чтобы умершему было легче его носить (СтД, ТГ): «С тъва́ съ пра́ви од др҃во, че му е по́-ле́ко» [Поэтому и делают деревянным, чтобы ему (покойнику) было легче] (ТГ). Ср. такое же представление у русских старообрядцев (в частности, собств. записи в с. Ново-Некрасовка Измаильского р-на Одесской обл.).

Однако в настоящее время живые практически всегда готовят себе место на кладбище заранее – покупают место, облицовывают кирпичом могилу и устанавливают каменный (мраморный) памятник (*цеме́нтоф кр҃с*[19]) в виде белой плиты с крестом. На памятник даже приклеивают керамическую овальную фотографию и на плите пишут (в камне выдалбливают) год рождения. Особенно часто это делают вдовцы, но на кладбище есть и целиком пустые могилы. С одной стороны, эту странную традицию можно воспринять как желание показать собственную состоятельность (у тех, кто *си́лни на пари́*, букв. ‘сильны в деньгах’, могилы более богатые), с другой стороны, оказывается, что это общая тенденция для рассматриваемых ареалов. Так, в Видинской области у болгар встречается та же традиция, которую они перенимают у румыноязычного населения. У влахов Болгарии и Сербии это обычная практика (Бизеранова 2013: 341–343).

Как уже упоминалось, в селе на похоронах участникам похоронного шествия и поминальной трапезы дарят подарки, которые раньше представляли собой домотканые вышитые полотенца, к одному из концов которых при помощи нитки привязывали монету и свечу. В настоящее время их сменили покупные белые носовые платки, обычай привязывать к ним монету и свечу сохраняется. Эти полотенца (платки) называются *повне́ци*, ср.: «*помня́та* ‘кусок ткани, платок, который кладут покойнику и дарят могильщику, который первым начал копать могилу’ (Ново Село, Видинская обл.). – От рум. *pomneátă* ‘то же’, заимствованного из болг. (см. *по́мен*)» (БЕР 5: 512). Считается, что человек, который будет утираться таким платком, будет поминать покойника. Традиция дарить

---

18 Ср. замечание Димитра Маринова в XIX в. о форме крестов в Северо-Западной Болгарии: «Некоторые кресты имеют истинную форму креста, но некоторые совершенно далеки от этой формы» (Маринов 2: 529).

19 Раньше устанавливали каменные кресты вместо плит с крестом наверху, их можно увидеть на старых могилах, ср. также сходное словосочетание (*цеме́нтова пло́ча*), обозначающее каменный памятник, в с. Стакевцы Видинской обл. (Трефилова 2004: 391).

inslav

подарки за помин души широко распространена в Северо-Западной Болгарии, ср. (Маринов 2: 530–531; Трефилова 2004: 391).

Соблюдается запрет ходить на похороны роженицам, у которых некрещеный ребенок, а также родителям, которые просватали детей, но еще не успели их женить:

> Ко́то и́ма дете́ ро́дено, ко́то и́маш деца́ го́дени, за же́нене, ти… не съ о́ди на смр̥тни́к, да изна́сяш и́с къшти, на смр̥тни́к, у́мре не́кой, доку́й напра́ви сва́дбъ, доку́й не кр̥шта́ва дете́ [У кого родился ребенок, у кого просватанные дети, скоро свадьба, ты… не ходят на похороны, не выносишь из дома, – на похороны, если кто-нибудь умер, – пока не сыграешь свадьбу, пока не крестишь ребенка] (ДВ).

Поминальная пища. Умершего обмывают, одевают, готовят поминальную пищу. Обмывают покойника пять человек, они же едят и хлеб *пъ́тнинъ*ъ ‘хлеб (покойному) в путь’, который кладут в воду, приготовленную для обмывания покойного. Этот хлеб кадят, так же как, видимо, и покойника (практикуется и окуривание могилы, см. ниже):

> ТГ: Пе́т ду́ш’. СГ: Ти́йъ го къ́път, па ти́нкъ го преме́нът, го ту́рът на ма́съть, па тин сло́жим там да йъдъ́т. Уф водъ́ть, де́къ съ го къ́пали. ТГ: Сал ти́йъ уо́ра. Пе́т ду́ш’. СГ: Йъдъ́т ле́бе сме́сено. Фо съ ти прегъти́сала[20]. Леп за мр̥́твия. Пъ́тнинъть. «А́йде да прека́дим пъ́тнинъть на чове́къ» [ТГ: Пять человек. СГ: Они его обмывают и потом одевают, кладут его на стол, и мы кладем там (хлеб), чтобы они ели. В воду, где его обмывали. ТГ: Только эти люди. Пять человек. СГ: Едят хлебушек смешанный. То, что ты приготовила. Хлеб для мертвого. «Путнину». «Пойдем покадим “путнину” этого человека»].

Лексема встречается и в других селах с болгарскими переселенцами, например в с. Извореле – *пътник* (Васева 2012: 254), и широко распространена на территории Болгарии (БЕР 6: 122, 123, статьи *пъ́тник*, *пъ́тнина*).

Приготовление поминальной еды – важнейший этап похоронного обряда. Существует постоянный набор ритуальной пищи, которую складывают в большую корзину (*ко́шник*), располагая ее там в определенном порядке. В обследованном селе сохранились разнообразные поминаль-

---

20 От рум. *a pregăti* ‘готовить, приготовить’ (< слав.).

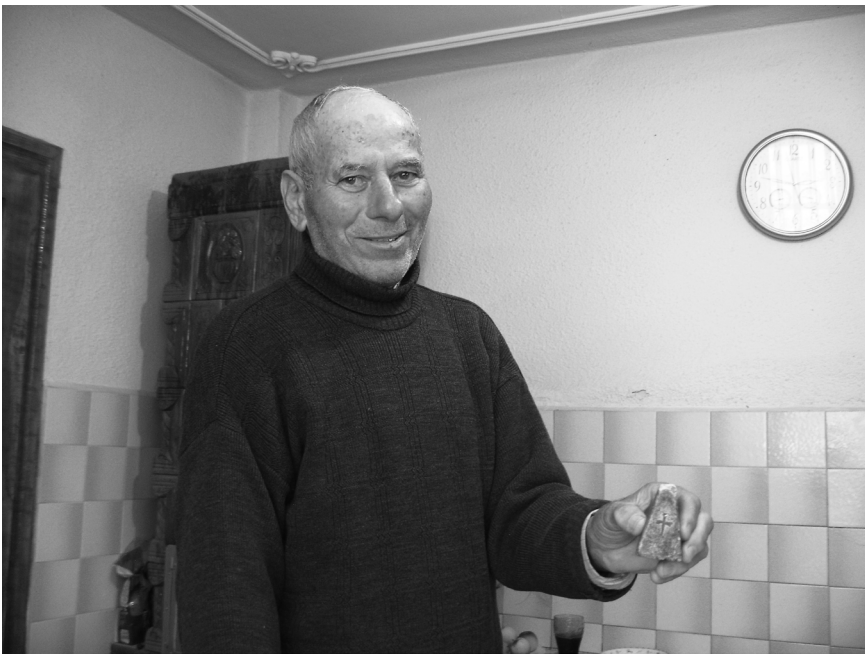
inslav

Поминальная корзина (*ко́шник*) на могиле; в центре корзины тарелка с коливом (*жи́то*), в которое воткнута свеча, по краям – хлебы *бл'у́до* и *кр̫ста́ж* и бутылка вина. Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

ные хлебы, каждому из которых соответствует архаичная славянская лексема: *пѣ́тнинъ* ‘хлеб для покойника’, *кр̫ста́ш* ‘хлеб в виде креста’ и *бл'у́до* ‘круглый хлеб с украшениями из теста посередине’. В поминальной корзине обязательно должны присутствовать вино, тарелка с коливом (*жи́то*), которая ставится посередине, хлебы. Для похорон также пекут 44 круглые булочки *кънѝшки*, в центре которых перед их выпеканием специальной печатью для просфор (*по́сфорник*, *посфорни́к*) ставят отпечатки:

> Ме́сим ле́п, пра́вим кр̫ста́жи, пра́вим кани́шки, лебе́те ми́нички, па́труш па́тру, пра́виме повне́ци, бати́сти, ту́раме… ко́лко къни́шки, то́лко тако́ва… къни́шки <…> с посфорни́ци… Ге разнесе́ме откъ́д закопа́ът <…> да до́дът о́рата дома́ да сла́гаме па тегѝн разна́сяме на си́те о́ра [Печем хлеб, делаем «крыста́жи», делаем «кани́шки», 44, делаем «повне́цы» (полотенца, поминальные дары), ленты, кладем… сколько «кани́шек», столько такого (видимо, даров)… «канишки» с печатью… Раздадим их, как похоронят, <…> люди придут домой (на поминки), мы накрываем на стол и тогда раздаем всем] (СГ).

inslav



Ангел Гуджу с печатью *по́сфорник*, с помощью которой выдавливают рисунок с надписью на поминальном хлебе *кръста́ж* и на булочках *къни́шки* при их изготовлении. Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

Термин *бл'у́до* в значении ‘обрядовый хлеб’ фиксируется исключительно в Северо-Западной Болгарии (БЕР 1: 58; Маринов 2: 535; Узенева 2006: 105, с. Селановцы, община Оряхово, окрестности Врацы; Бизеранова 2013: 506). Лексема **блюдо** (а также **блюдъ**, м. р.) встречается уже в старославянских (древнеболгарских) рукописях (однако только в значении ‘блюдо, тарелка, миска’) и была заимствована в старославянский из германских языков, скорее всего, через моравское посредство, ср. гот. *biuþs*, род. пад. *biudis* ‘стол’[21], древневерхненем. *biutta* ‘квашня’, ‘улей’ (Фасмер 1: 178). Можно предположить, что неслучайно именно на северо-западе Болгарии, где слово, вероятно, бытовало не только в письменной, но и в устной традиции, оно развило дополнительные значения (‘еда, угощение’, ‘обрядовый хлеб’, ‘кутья, коливо’, см.: БЕР 1: 58) в результате семантического перехода «круглая тарелка → хлеб, имеющий круглую форму (подающийся на блюде)».

[21] В словаре М. Фасмера дается дефиниция ‘блюдо, миска’ – видимо, ошибочно, ср. (Гухман б. г.: 258).

inslav

Лексема *кръстáж* известна также в болгарском селе в Румынии Изворареле (Васева 2012: 255–256); слово *кръстáш* со значением ‘фигура из теста на обрядовом хлебе, состоящая из четырех полосок теста’ фиксируется, в частности, в Стубеле и Чупрене, Белослатинский район, ‘обрядовый хлеб’ – в Шипке, район Казанлыка (БЕР 3: 52). В Северо-Западной Болгарии распространен поминальный хлеб в виде креста с названиями типа *кръсник* (ср. Васева 1997: 102; Трефилова 2004: 391); поминальный хлеб в виде креста известен и в других районах Болгарии.

Термин *къни́шка*, скорее всего, восходит к слову *кани́ска*, которое на болгарской территории может означать не только хлеб, но и ритуальное подношение из нескольких предметов, в основном съестных, имеющих отношение к разным обрядовым комплексам, как правило к свадьбе и родинам, это ‘хлеб, который дарят посаженому отцу’, ‘угощение для посаженого отца’, ‘дары, при помощи которых приглашают (*канят*) на свадьбу’ и др. Считается, что болгарское слово произошло от новогреч. κανίσκι ‘подарок на свадьбу, крещение и т. п.’, слово также заимствовано в арумынский и албанский. Исследователи видят в значении, которое развивает слово в болгарском языке, паронимическую аттракцию («народную этимологию») с болг. *ка́ня* ‘приглашать’ (БЕР 2: 206). Значение ‘маленькие булочки, которые раздают на погребении’, для болгарского ареала уникально.

Поминальные хлебы *бл’у́до* и *кр̫ста́ж* на столе в церковном притворе. Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

inslav

Поминальные хлебы не режут, только разламывают. Ритуальные хлебы *кръ̀ста́ш* и *бл'у́до*, тарелку с коливом жертвуют церкви и священнику. При поминовении священник поливает могилу покойного вином, бутылку которого также носят в корзине для поминальной еды. Всегда, подавая за упокой, произносят: *Съ наме́ри на Сте́ла* (имя покойного)! [(Пусть) попадет (на том свете) к Стеле!], на это отвечают: *Бог да гу* (*ге*) *про́сти!* [Да простит его (ее) Бог!].

Поминовения после смерти и календарные поминки. После погребения общая поминальная трапеза происходит обычно в доме семьи покойного, если тепло – во дворе дома (*у гу́вното*). В непостное время запекают мясо, во время поста на столе обычно стоит капуста, картофельный суп, фасоль (*боп*), *пил'а́ф* (блюдо из риса):

> СтД: Ми до́ът от че́рковътъ, го́твът ту́ка… Од зарантьо́ зака́чът да го́твът па кои́ до́ът от там, де́къ го закопа́ът, от че́рковътъ, де́къ би мр̀твийъ, да йъдь̀т. <…> Зи́мът ма́си, от ти́йъ, де́къ пра́а сва́дби, поопте́гнът, ту́рът там. ТГ: Дома́. СтД: У гу́вното. Опте́гнът у гу́вното. И́ма до три́йсе-четѝрийсе ду́ши доо́дът. <…> Ва́рът зе́ле, чорбь̀, пиля́ф. [Ако се пости?] Ва́рът боп, чорбь̀ карто́фова. <…> Да зи́мът од жи́тото. Пре́ду коги́ да йъдь̀т [СтД: Ну, возвращаются из церкви, готовят здесь. С утра начинают готовить и, кто приходит оттуда, где его хоронят, от церкви, где был покойник, садятся есть. <…> Ставят столы из тех, что используют для свадеб, покрывают скатертью, ставят там. ТГ: Дома. СтД: Во дворе. Покрывают скатертью во дворе. Около 30–40 человек приходят. <…> Варят капусту, суп, рис. (А если пост?) Варят фасоль, картофельный суп. <…> И каждый берет немного колива. Прежде чем начнет есть].

Пьют вино, ракию, сок, однако на кладбище ракию не носят, потому что «не принято» (существует поверье, зафиксированное в северо-восточном и северо-западном болгарских ареалах, что ракия может выжечь глаза мертвому, однако здесь это верование записать не удалось).

Основные поминки после погребения в селе совершаются через три дня, девять дней, три недели, шесть недель, полгода и год (*три дни, де́вет дни, три не́деле, шес не́деле, полови́н го́динъ, го́динъ*) (ТГ; СтД; СГ). Это в целом соответствует традиции поминовения в Северо-Западной Болгарии (Маринов 2: 542), отличие состоит только в счете по неделям, а не по дням для поминок на 20-й (здесь 21-й) и 40-й (здесь 42-й) день (*три не́деле*, *шес не́деле*), что заимствовано болгарами из румынской традиции, хотя в румынской этнографической литературе чаще встречается упоминание о 40-дневном периоде, соответствующем общеславянским сороковинам (Marian 1995: 255 et al.; Vlăduţiu 1973: 413; Олтяну 2010: 39).

inslav

На следующий день после погребения (фактически совпадает с поминовением на третий день) практикуется «опаливание» (каждение) могилы и вещей покойного:

> Ше и́дем да гу прека́дим на гро́бъ. [Коги прекаждат на гроба?] На зара́н къту́ гу закопа́вът, къту не́ска зарантѣ и́дът да го опа́л'ът, така́ му ви́каме. До́нът там ма́лко бе́ло цве́к'е, го прека́дът па тин си до́дът дома́ жени́те, опе́рът къде́ лежа́л то́й, прека́дът парца́лете па тин йъдѣ́т. Па на зара́н о́дим да го ка́дим. [Парцалете му не ги ли изгарят?] Не, ге пе́рът, не ге го́рът. Ко́ту съ по́-добри́чки, ге дадеш на не́кой чове́к да ге но́си, по-съра́к така́ [Пойдем покадим его на могиле. (Когда кадят на могиле?) Утром после того, как его похоронят, как сегодня с утра идут его «опалить», так мы говорим. Принесут там маленький белый цветочек, покадают его (покойника) и тогда пойдут домой женщины, перестирают, где он лежал, покадят его одежду и потом садятся есть. И с утра ходим его кадить. (Вещи не сжигают?) Нет, их стирают, не сжигают. Те, что получше, отдашь какому-нибудь человеку, такому, бедному, чтобы он носил] (СтД).

Обычай «опаливать» могилу известен не только в Северо-Западной, но и в Северной Болгарии и представляет собой апотропейную практику – чтобы покойник не «перевоплотился» (Бизеранова 2013: 243–244, ср. *опа́лване на гро́ба* – с. Калипетрово, обл. Силистры, Узенева 2006: 102), ср. (Зечевић 2007: 29). Также одна из мотивировок «опаливания», т. е. каждения покойника, могилы или возжигания на ней свечей, – вера в то, что после каждения путь назад душе уже прегражден и она не сможет вернуться в тело, даже если захочет (Маринов 2: 522).

Термин *опа́лване* распространен в северном и северо-западном болгарских регионах наиболее широко (в Видинской области помимо него встречаются также менее частотные термины, обозначающие данное обрядовое действие, *чару́ване* и *леку́ване*, см. Бизеранова 2913: 494, карта № 3); о распространении обычая «опаливать» или покойника, или могилу и ареальных различиях см.: (Гребенарова 2009: 159–167, 187–189, 194 и карты 61–64). Практика «опаливать» могилу на третий день после смерти распространена на болгарской этнической территории главным образом на севере и на западе (Гребенарова 2009: 187–188). В с. Бэлень-Сырбь время совершения обряда несколько смещено – это четвертый день, так как хоронят на третий день, – но в целом ритуал соответствует тому, что картографируется в этом ареале.

Самыми важными поминками считаются *шес не́деле*. Как уже упоминалось, считается, что в этот день душа уходит на тот свет и следует облегчить ей этот уход при помощи жертвоприношений (выливают воду и раздают одежду умершего).

inslav

Жертвоприношения водой совершаются в болгарско-сербско-румынском регионе и особенно широко практикуются румынами (Олтяну 2010: 40; Васева 2012: 265). В. Васевой в с. Бэлень-Сырбь записано, что в селе воду выливают вслед погребальной процессии, объясняют это так: «чтобы шел дождь» (*за да вали дъжд*) (Васева 2012: 251). У болгар Румынии жертвоприношение водой называют *се пуска водата на умрелия* [выпускается вода покойнику], обычай фиксируется у всех православных болгар, живущих в Румынии (Васева 2012: 265), а также в других болгарских селах в северо-западноболгарском регионе; в с. Бэлень-Сырбь используют выражение *пу́штат во́дътъ*. Термин является переводом рум. *slobozirea apei* ‘освобождение воды’ – обряда, хорошо описанного в румынской этнографической литературе (см., например: Marian 1995: 257–265; Vlăduţiu 1973: 413; Олтяну 2010: 40; Паня 2017: 67), обозначение обряда калькой с румынского *освобождáване на водáта* встречается и на болгарской этнической территории в Северо-Западной Болгарии (Васева 1993: 91). Тот же обычай распространен у восточных сербов (Зечевић 2007: 76). В селе в течение шести недель носят воду из колодца того дома, где умер человек, в три соседних дома – обычно по два ведра. (Сейчас в с. Бэлень-Сырбь каждый день утром на протяжении шести недель носят соседям по двухлитровой бутылке с минеральной водой, которую покупают в магазине.) Эту воду используют для хозяйственных нужд – для приготовления пищи, дают животным.

На *шес не́деле* на кладбище совершается поминовение покойника, на могилу приносят два ведра воды, в одно из которых кладут небольшой шест, называемый *рабо́ж* (рум. *răbój*, *-juri* n) – плоский брусок дерева с 42 горизонтальными насечками, которые символизируют 42 дня (6 недель) с момента смерти покойного. На нем дома в течение 42 дней вырезают горизонтальные отметки, каждая из которых обозначает день. Через каждые шесть насечек вырезают Х-образный крест, который обозначает окончание недели. После панихиды на могиле (*голе́ма пома́нъ* ‘большое поминовение’) раздают вещи покойного, священник (вариант: женщины, которые приносят воду) выливает воду около могилы, *рабо́ж* вынимают из ведра и устанавливают его на могиле:

> Кой завр̥ши шес не́деле, му изнесъ́т во́дътъ, туг го напра́а голе́ма пома́нъ, му съ да́ва за пома́нъ парца́ле, па ту́гъ (на гро́бъ) съ ту́рва рабо́жъ да съ зна́а, че завр̥шил шес не́деле [Для того (покойника), кто «завершил» шесть недель, приносят воду, здесь, на могиле, совершают большое поминовение, за поминовение его души раздают одежду и здесь втыкают в могилу *рабо́ж*, чтобы знали, что он «завершил» шесть недель] (ТГ).

inslav

Лексема *рабóж* (*рабóш*) – устар. и диал. ‘рассеченное надвое бревнышко, на котором делают насечки, вместо того чтобы их записывать в блокнот’ (область Смоляна, окрестности Мадана, Ивайловграда, Гоце-Делчева, окрестности Трояна, Севлиева, Плевена), также в Южной, Средней Западной, Северной и Северо-Западной Болгарии зафиксированы лексемы с огласовкой *рабóшь*, *рáбош*, *рáбуш*, *рабýш*, *рабýко*, *рáбес* ‘то же’ (БЕР 6: 136–137). Лексема встречается преимущественно в западной части Болгарии и концентрируется на юге, а также севернее и северо-западнее Стара-Планины. Считается, что в болгарский заимствовано через чеш. *rabuša*, сербохорв. *рâбош*, диал. *рáбӯш* из венг. *rovás* с тем же значением, что и в болгарском, однако этимология слова не вполне ясна (там же: 137); также вызывает сомнения и указываемое в этимологических исследованиях направление заимствования. Из болгарского языка слово также заимствовано в румынские диалекты и албанский.

В Северо-Западной Болгарии в поминальной практике на таком предмете (*рáбош*) обычно отмечают число принесенных сосудов с жертвенной водой (Бизеранова 2013: 503, карта № 12); о том, что насечками на *рабоже* обозначают число принесенных ведер или дней, в течение которых носили воду, указывается во всех исследованиях, посвященных поминальной обрядности болгар, соседствующих с румынами, а также в румынской этнографической литературе (Петров 1962; Васева 2012: 266; Васева 1993: 96; Бизеранова 2013: Marian 1995: 255; и др.).

Тоадер Георге держит *рабóж* и полученные им поминальные субботние дары (покупные круассаны). Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

Помимо поминовения по истечении полугода (*за половúн гóдина*) и года (*гóдина*) после смерти в селе существует еще одно уникальное поминовение через неделю после годовщины – *завр̀нинъ*, букв. ‘поворачивание’, которое устраивают сейчас только в церкви, а когда-то это делали и дома. Обычай отмечать неделю после годовщины (подобный послесвадебному обычаю через три дня или неделю после свадьбы) нам ранее не встречался:

inslav

Завр̥нинъ – ена́ не́дел’ъ след го́динъ. Пре́ди съ пра́веше и ма́лкъ пома́нъ дома́, а́ма си́ка не съ май пра́ви, е орат́ът, че не́ма вре́ме [«Завырнина» – неделя после годовщины. Прежде устраивали и малое поминовение дома, а сейчас уже не делают, говорят, что нет времени] (ПД).

Считается, что поминовение нужно совершать семь лет подряд, а затем прекращают устраивать поминки, только подают за упокой души во время календарных поминок. Это связано с архаичными представлениями о пути души на том свете. Болгары в Северо-Западной Болгарии верят, что этот и тот свет разделяет река, которую должна перейти душа. Душа переходит через множество «таможенных» границ (*митници*) в продолжение семи лет, поэтому поминовения совершают семь лет (Бизеранова 2013: 134). Схожи с этими верованиями представления, записанные у восточных сербов: с этого на тот свет душа попадает, проходя по «райскому мосту». Если душа праведна, она легко попадает в вечную жизнь, если же грешна, она теряет равновесие и падает в пропасть, на дне которой ад (*јад*) – грязная вода, кишащая водными гадами. В этой пропасти душа мучается и очищается и после очищения переходит в вечную жизнь. Максимальный срок пребывания в аду семь лет, седьмой год – последний, когда по покойнику совершается поминовение (Зечевић 2007: 32). Семь лет совершают поминовение также влахи и румыны Восточной Сербии (Бизеранова 2013: 344, 346).

По-видимому, с верой в максимальный срок мучений в аду в течение семи лет связаны и необычные ритуальные действия с самоубийцами, которые удалось зафиксировать в с. Бэлень-Сырбь. Самоубийц раньше хоронили вне кладбища, теперь хоронят на кладбище, однако не отпевают по полному чину. Семь лет за самоубийцу не молятся, нельзя подавать в алтарь на проскомидию записку с его именем (*биле́т*), но через семь лет самоубийцу выкапывают и как бы «прощают». Над ним совершают все ритуальные действия, которые необходимо выполнить над только что умершим: его (кости) отпевают и затем поминают как «правильного» покойника – устраивают поминовения на три, девять дней, на три недели, шесть недель, полгода и год. Эта информация о самоубийцах была записана от священников болгарского храма (ММ, ПД). Таким образом, обязательное повторное погребение совершается только в том случае, если человек умер не своей смертью. В остальных случаях повторное погребение совершают только в том случае, если кладут в могилу нового покойника. В Северо-Западной Болгарии повторное погребение совершается в основном так же, как в обследованном селе, и оно тоже окказионально (Маринов 2: 529).

Календарные поминки в целом у болгар Румынии соответствуют поминкам, известным у православных христиан на Балканах. Еженедельно поминальный день – это суббота. Вечером пятницы в конце

inslav

Священник Михаил Мога и прихожане покачивают поминальную корзину по окончании заказной субботней панихиды на могиле.
Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

всенощного бдения совершается заупокойная служба, которая продолжается в субботу. На середину храма ставят большой поминальный стол, который обычно стоит в притворе и на котором оставляют поминальную пищу. В обследованном селе во время заупокойной службы на стол ставят корзины с обычным поминальным набором (см. выше), в середине тарелки с коливом возжигается свеча. В отмеченном регионе, а также в Северо-Восточной Болгарии и в Молдавии существует обычай: прихожане при поминовении усопших приподнимают лежащие на поминальном столе хлебы и покачивают ими, создавая волнообразное движение, эти действия имеют типологические параллели и в других регионах проживания славян, ср. полесский обычай *подыма́ть во́здух*, *здыма́ть воздух*, *качать воздух*, *снимать воздух* (Афанасьева, Плотникова 1995: 402). Считается, что таким образом живые помогают умершим, чтобы их душам было легче вознестись (*да съ ди́гне душѣ̀тъ* [чтобы поднялась душа], ТГ). В обследованном селе священник активно включается в эту традицию и даже руководит этим процессом: он первым берется за поминальную корзину и начинает совершать эти движения. Часто народ

inslav

образует круг, взявшись за ручки корзин соседей, таким образом получается большая волна, в центре которой стоит священник. Это движение производят и на любых календарных поминках.

Болгары в Румынии отмечают как «свои», характерные для болгарской традиции поминки, так и поминальные дни, которые известны в румынской народной традиции. Румынский поминальный календарь более насыщен, чем болгарский, и включает около 15 дат, подвижных и неподвижных (Marian 1995: 244–253; Олтяну 2010: 39). Основными календарными поминками в селе (родительскими субботами, *задýшници*) являются суббота перед Димитровым днем (*Сфéти Думúтру*, *Димúтровден*), перед Сырной седмицей (*прéду Сúрна нéдел'ъ*), после Великого поста суббота перед Антипасхой (*Сфéти Тóма*, «Пасха мертвых»), а также Троицкая родительская суббота, которая считается самой главной и которую называют по-румынски *Мош'*, ср. рум. *Móşi*, *Móşii* 'предки' (Олтяну 2010: 39). Также как поминальные отмечают Великий четверг (*Вéлики чéтвртък*, *Joi Mare*), ср. то же у восточных сербов (Зечевић 2007: 76, 83–84: Великий четверг – «праздник мертвых»), и Вознесение (*Спáсовден*), с которыми связаны верования, неоднократно фиксировавшиеся на Балканах. Здесь записаны общие для всего карпато-дунайско-фракийского ареала, включая влахов Восточной Сербии, румын, население Восточной Болгарии и греков (Трефилова 2012: 283–284), верования о пребывании предков на земле в весенний период начиная со Страстного четверга или Пасхи и кончая Вознесением или Пятидесятницей. В селе считается, что души умерших приходят в Великий четверг и уходят на Троицу (*Русáлете*).

Черты поминальных обрядов обнаруживаются в традиции раздавать поминальную пищу на некоторые календарные праздники, ср. то же у румын (Олтяну 2010: 40). Тот, кто может, подает за помин души на Успение Богородицы (15 августа), однако этот день в селе не является обязательным поминальным и скорее относится к календарным праздникам, на которые раздают поминальные дары за усопших[22].

В день преп. Параскевы Балканской[23] (*cuvioasa* (*sfânta*) *Paraschiva*, *сфéта Параскúва*, ТГ; *Петкóвден*, ВД), 14 октября, когда в с. Бэлен-

---

22 Ср. почитание Богородицы и ее дни, «Большую Богородицу» (Успение, 15 августа), когда подают за помин души, и «Малую Богородицу» (Рождество Богородицы, 8 сентября), в румынской традиции: (Ghinoiu 2002: 350–353). Термины с аналогичной внутренней формой, «Большая» и «Малая» Богородица, используются и в Болгарии для обозначения тех же праздников. В Болгарии на Успение Богородицы также практикуется подавать за помин души.

23 В русской церковной традиции ее принято называть преп. Параскевой-Петкой Сербской, в болгарской – Петкой Тырновской (Эпиватской),

inslav

На «малый» престольный праздник, день св. Параскевы-Петки (14 октября), женщины по окончании литургии раздают у входа в храм коливо «за здравие». Фото О.В. Трефиловой. 2013 г.

Сырбь празднуется малый престольный праздник (*ма́лкийъ храм*), после службы на выходе из храма несколько женщин раздают коливо «за здравие» (каждый берущий ложечку колива говорит: «Здраве!» [(За) здоровье!]), напротив храма ставят стол с разложенными в индивидуальные пакеты (*пу́нги* < рум.) поминальными дарами «в честь святой» (*пома́нъ ф че́ст на свети́цътъ*, ТГ).

Петка Търновска (*Епиватска*). В румынских источниках встречается Параскева Ясская, в румынском разговорном языке и в надписях на фресках – «Святая Пятница» (*Sfânta Vineri*). Такая вариативность агиоантропонима обусловена тем, что мощи преп. Параскевы перемещали по территории Балкан, чтобы спасти от возможного уничтожения их турками (из Велико-Тырнова в Валахию, затем в Сербию, затем в румынскую Молдавию, в г. Яссы, где они находятся и по сей день). Поэтому эту святую называют также преп. Параскевой Балканской (память 14/27 октября), чтобы отличить от вмц. Параскевы-Пятницы (память 28 октября / 10 ноября).

inslav

Та же традиция, трансформировавшаяся в практику раздавать угощение с целью обеспечить себе и другим здоровье, проявляется в праздновании дня архангела Михаила (*Ра́нгеловден*), 8 ноября, когда в церковь приносят хлеб, состоящий из множества булочек, который священник в конце службы благословляет (*миро́сва*), после чего хлеб раздают *за здра́ве*. На Балканах и, шире, в православной традиции известно почитание архангела Михаила как извлекающего душу из умершего, этот архангел считается «грозным» святым, «грозным воеводой»; у болгар этот день обычно соотносится с поминовением усопших, как и родительская суббота (*Архангелова задушница*), предшествующая ему (в Румынии в целом и в обследованном селе в частности отмечают Димитриевскую родительскую субботу).

К поминальным и одновременно апотропейным практикам восходит и бытующая в с. Бэлень-Сырбь уникальная календарная традиция в день Жен-мироносиц (третье воскресенье по Пасхе) изгонять на кладбище «бобошарку» (оспу)[24] – *пома́нътъ на бобоша́ркътъ* ‘поминовение (умилостивление, дар для) «бобошарки»’. В обрядах этого дня, по-видимому, контаминируются календарные поминки и изгнание болезни. Ночью с субботы на воскресенье женщины (обычно 20–30) собираются на кладбище, разводят костер и поют песни (по-румынски), пока не пропоют первые петухи. Затем женщины обходят всё кладбище, кадят все могилы, возглашая по-румынски: «Hristos a înviat!» – «Adevarat a înviat!» [«Христос воскресе!» – «Воистину воскресе!»], – и раздают друг другу дары за помин душ усопших:

> Зе́мът па ка́дът гробищътъ и да́вът пома́нъ, ена́ на дру́га женѝ: «Съ наме́ри на то́й, на о́н’ъ» [Начинают кадить кладбище и раздают «поману», одна женщина другой (дает со словами): «Пусть попадет (на том свете) к этому, к тому (усопшему)»] (ТГ).

Около 4 утра возвращаются домой. С утра после воскресной литургии во дворе церкви устраивают непосредственно «поминки по оспе» (задабривают оспу) – *пра́им пома́нътъ на бобоша́ркътъ* (СГ). Как следует из нарративов, записанных от нескольких информантов, это ночное бдение у костра с песнями и «поминки» по оспе воспринимаются как единый обряд:

> СГ: Бобоша́ркъ. Па си́ка не́ май доа́да ве́че. Бобоша́ркъ. Vărsát. Така́… при́шки по те́бе. Лежа́а. Па ни́е пра́им тук, се́ка го́динъ

[24] *Бобоша́рка* < болг. *Ба́ба Ша́рка*, букв. ‘бабка Пеструха (Узор)’, эвфемистическое обозначение оспы, обычно ветряной.

inslav

пра́им пома́нътъ на бобоша́ркътъ. Обла́чаме две деца́, ено́ монче́, ено́ моми́че го обла́чаме. С парца́ле си́чкуту. <…> На че́рковътъ пра́им за бобоша́ркътъ. [Как правите?] СГ: Го́твим, от си́чкуту го́твим. Пома́нътъ на бобоша́ркътъ. Па не́ и съ разбо́лвът деца́ од бобоша́ркътъ. И ко́то се разбо́лвът, тин ге одми́не. <…> Пра́им пома́нъ, облече́м две деца́. ТГ: Ф сѣ́ботъ вечертѣ́ съ пра́ви еди́н голя́м о́гън в гро́биштето, СГ: ув гро́биштътъ, да, па седи́м па пе́йът. И́ма ’ни́ жени́ тук, де́къ зна́ът. [Дека на гробището?] В ена́ пъте́къ голе́ма, па наклadéм о́гън. Се́ко си и донесе́ по два-три дѫ́рви. Па <…> го́рим о́гън’. <…> Ено́ монче́, ено́ моми́че го облече́м – ма на зара́н, куги́ сла́гаме. [С фо ги облачате?] ТГ: Му да́ът носи́и, но́ви носи́и, го обли́чът, ку́ту пома́нъ. [Как изглеждат носиите?] Фо и́ска дете́ту. Но́ви дре́хи. [Фо правят децата?] СГ: Ги обле́чът, до́дът там на пома́нътъ па и дадѣ́т да йъдѣ́т па стр̫нът дома́. [Децата викат ли нещо?] Не ви́кът ни́шту. [Стоят ли само?] ТГ: Са́мо стойѣ́т. [Фо се готви за поманата?] Не ва́рим боп. А́ко и́маме ме́со, напра́им perişoáre, friptúră, кѣ́лк’е. [Оспа. А сейчас ее уже нет. Оспа. Такая… прыщики у тебя по телу. Лежали (во время болезни). И мы устраиваем здесь, каждый год устраиваем «поминки» по оспе. Одеваем двух детей, одного мальчика, одну девочку одеваем. Все в одежде. <…> У церкви устраиваем для оспы. (Как устраиваете?) Готовим, из всего готовим. «Поминки» по оспе. И (чтобы) не болели дети оспой. И если кто заболеет, чтобы тогда у него прошло. <…> Устраиваем «поминки», одеваем двух детей. ТГ: В субботу вечером разжигают большой костер на кладбище, СГ: на кладбище, да, и сидим, и (женщины) поют. Есть женщины здесь, которые знают (песни). (Где на кладбище?) На одной тропинке широкой, и разводим костер. Каждый приносит по два-три полена. И <…> разжигаем костер. <…> Одного мальчика и одну девочку одеваем – ну, с утра, когда накрываем на стол для «поминок». (Во что их одеваете?) ТГ: Ему (каждому ребенку) дают одежду, новую одежду, его одевают, как на поминки. (Как выглядит одежда?) (Одевают в то), что хочет ребенок. Новая одежда. (Что делают дети?) СГ: Его оденут, придут на «поминки» и дадут поесть, и уведут домой. (Дети что-нибудь говорят во время «поминок»?) Ничего не говорят. (Просто находятся там?) ТГ: Просто находятся. (Что готовят на «поминки»?) Не варим фасоль. Если есть мясо, делаем фрикадельки, жарим мясо, куриные голени].

В этом обряде совмещаются апотропейная практика с целью умилостивить (изгнать) болезнь, пандемию, причем эта практика дала название всему обряду, и весеннее поминовение усопших, сопровождающееся разведением поминального костра, который может быть квалифицирован не только как поминальный, который «греет» умерших, но и как

inslav

пасхальный (о поминальных кострах у славян см. подробнее: Агапкина 2002: 270–272; о пасхальных кострах: там же: 689–692). Поминальные костры у болгар, сербов, а также у румын разжигались, однако, обычно в предпасхальный период – чаще всего в Великий четверг (Агапкина 2002: 270–271; Гребенарова 2009: 151–152; Бизеранова 2013: 352–354); ареал подобных костров включает северо-запад и северо-восток Болгарии, северо-восток Сербии, южный Банат, Румынию (Агапкина 2002: 271, карта 2). То, что в обследованном селе костер «для мертвых» разжигают в послепасхальный период, а не в Великий четверг, вероятно, связано с верованием о пребывании душ умерших на земле от Великого четверга до Пятидесятницы, для которых, видимо, и предназначен этот костер, ср. (Гребенарова 2009: 151).

Следует отметить, что в селе знают о специфическом румынском обычае поминок по живому (*pománă de víu*, *помáнъ од жúф*, ТГ), но не практикуют его[25]. В рассматриваемом ареале на болгарско-сербско-румынском пограничье такие поминки совершаются также в некоторых сербских и болгарских селах (серб. *помана за живог*, Зечевић 2007: 77–78; болг. *помáна за жив*, *помáна от животá*, Бизеранова 2013: 371–372).

В обследованном селе не практикуют и не знают о поминальных хороводах (болг. *хоро за мъртвите*, серб. *кóло за дýшу*), распространенных на болгарско-сербско-румынском пограничье у влахов, сербов и болгар (Бизеранова 2006; Бизеранова 2013: 355–368; Зечевић 2007: 91).

Повторное погребение. В селе известно и практикуется повторное (вторичное) погребение покойников, которые истлели до костей. Обычно повторное погребение обязательно тогда, когда в могилу с давно умершим кладут нового покойника. В этом случае истлевшие кости вынимают, обмывают их водой, поливают вином, рядом кладут женский платок (*чомбéр*) или мужской головной убор (*паларúйъ*, *калпáк*), чтобы маркировать пол покойника. Эти кости складывают в маленький гроб (ящик) и ставят в ноги покойному во время отпевания. Таким образом, отпевают сразу двух покойников: старого и нового. При погребении захоранивают и нового, и прежнего покойника. Если тело не истлело, кости из могилы не вынимают. При этом в селе отсутствует обязательное повторное погребение через определенный срок. Этот срок (семь лет) обязателен только для самоубийцы (см. выше в разделе «Поминовения после смерти и календарные поминки», с. 174).

---

25 Подробнее о нем: (Петров 1962; Васева 1993; Анастасова 1999; 2002; Бизеранова 2013: 370–384).

inslav

* * *

Погребально-поминальная традиция обследованного села свидетельствует о сохранении у болгар-переселенцев общебалканских погребально-поминальных практик и специфических архаических ритуалов и верований, характерных для болгарско-сербско-румынского пограничья. Об этом свидетельствует лексика традиционной духовной культуры, а также зафиксированные верования и реалии. Записанная терминология традиционной духовной культуры распространена на болгарской этнической территории (многие термины встречаются только в северо-западноболгарском ареале), часто она является болгарской по происхождению и сохраняется в диалекте со времени переселения болгар в Румынию: *мр҃товéц* ‘покойник’, *тéгли да мри́* ‘мучается перед смертью, агонизирует’, *си испра́иле нитé* ‘умер (букв. ‘распрямились нити’)’, *съ упл҃ти́л* ‘воплотившийся покойник’, *самоди́ви* ‘женские мифологические персонажи’, *ко́фчек* ‘гроб’, *тр҃сли́гъ* ‘стебель тростника, мерка для гроба’, *по́кроф* ‘покров, закрывающий покойника’, *пъ́тнинъ* ‘хлеб для покойника’, *сини́йъ* ‘ритуальный поминальный стол’, *жи́то* ‘кутья, коливо’, *кр҃ста́ш* ‘поминальный хлеб в виде креста’, *бл҃ у́до* ‘круглый поминальный хлеб с украшениями’, *ре́дът* ‘причитают’, *и́дът да го опа́л҃ът* ‘идут «опалить» его (покойника)’, *кр҃́с* ‘крест на могиле’, *жа́лим* ‘быть в трауре’, *заду́шници* ‘календарные поминки’ и др., см. также Приложение. Румынские заимствования не являются доминирующими, несмотря на то что румынские болгары – билингвы и на лексическом уровне влияние румынского языка на болгарский диалект довольно заметно.

В погребально-поминальной обрядности болгары с. Бэлень-Сырбь также сохраняют характеризующие болгарско-сербско-румынское пограничье архаичные верования, а также обрядовые действия и предметы. Среди них практика не оставлять умирающего в темноте; обычай дарить подарки на похоронах; устроение могил в виде гробниц; «опаливание» (окуривание ладаном) могилы; жертвоприношения покойному водой; представления о переходе душой границы между тем и этим светом и действия, направленные на обеспечение благополучного перехода; окказиональное повторное погребение; 7-летний период поминовения покойного; верования о нахождении душ умерших на земле от Великого четверга до Пятидесятницы; сохранение аутентичной традиции изготовления поминальных хлебов, антропоморфных крестов и др.

inslav

Приложение[26]

3. ПОХОРОНЫ

3.1. Умирающий, человек в агонии: *смр̥тни́к*; *те́гли да мри́* ‘протягивает смерть’.

3.2. Агония, предсмертные страдания: *те́гли да мри́*.

3.3. Умерший, покойник: *мр̥тове́ц*, *смр̥тни́к*, *запре́ чове́къ* ‘умер человек’, букв. ‘остановился (изнемог) человек’.

3.4. Души умерших родителей, предки: *мо́şi* [moš’] pl. ‘предки’, *strămóşi* [strъm’oš’] ‘прародители’ pl. (рум.).

3.5. Душа человека: *душ̀ъ*.

3.6. Загробный мир: *бе́лийъ све́т*, букв. ‘белый свет’.

3.7. Ад: *йад* (= рум. *iad* n).

3.8. Рай: *рай* (рум. также *rai* n). *У ра́йъ, ка́а, че би Го́спот* [В раю, говорят, Бог].

3.9. Похороны, погребение умершего: *закопа́вът* ‘закапывают’.

3.10. Гроб: *ко́фчек*, *ко́фчегъ*, pl. *ко́фчези*.

3.11. Могила: *гроп*, *гро́бъ* ‘могила, гробница’. Представляет собой двухъярусную подземную камеру, облицованную кирпичом, с пустующим проходом с одной стороны, откуда на ярусы заталкивают гроб.

3.12. Кладбище: *гро́бишт*ъ(*тъ*) (pluralia tantum).

3.13. Саван, риза, полотно, которым покрывают покойника: *ри́зъ de moárte*, болг.-рум. ‘смертная рубашка’ (саван); *по́кроф* (покров).

3.14. Оплакивание покойника: *ре́дът* ‘причитают’, *зна́ът да ре́дът* ‘умеют причитать’, *ревът у́баво* ‘хорошо оплакивают’, *уре́дът* ‘оплачут’.

3.15. Женщины, которые оплакивают покойника: нет термина.

3.16. Хлеб, который едят при покойнике: *пъ́тнинъ*(*тъ*).

3.17. Обрядовый погребальный хлеб, связанный с народными представлениями об архангеле Михаиле, забирающем душу умирающего: нет. На праздник архангела Михаила (8 ноября), *Ра́нгеловден*, пекут хлеб, состоящий из множества булочек, и несут его в церковь, в конце службы священник его благословляет (*миро́сва*) и хлеб раздают *за здра́ве* (т.е. хлеб не поминальный: *за здра́ве, не да́ваме там за Бо́г да про́сти* [за здравие, не раздаем там за поминовение усопших], СГ).

3.18. Хлеб «для мертвого»: *пъ́тнинъ*(*тъ*).

3.19. Маленькие булочки без украшений: *къни́шки*, 44 штуки. Круглые булочки с отпечатком, сделанным специальной печатью (*по́сфорник*).

---

26 В Приложении дается кратко заполненная анкета по программе (Плотникова 1996, «Похороны»).

inslav

3.20. Поминальное блюдо из жита – кутья, коливо: *жи́то* – пшеница, сваренная с последующим добавлением сахара.

3.21. Поминальная трапеза в доме после погребения: *пома́нъ*.

3.22. Поминки, сопровождающиеся посещением могилы в течение года: *пома́нъ*.

3.23. Поминки по истечении года со дня смерти: *го́динъ* ‘год (годовщина)’, *завр̑нинъ*, букв. ‘возвращение, поворот’ (через неделю после годовщины).

3.24. Поминальные дни в течение календарного года: *заду́шници*, *мóşi*.

3.25. Обрядовый хлеб в форме креста на поминках: *кр̑ста́ш*, *кр̑ста́жъ*.

3.26. Маленькие булочки на поминках: *къни́шки*, 44 штуки. См. **3.19.**

3.27. Траур по покойнику: *жа́лим* ‘быть в трауре’.

3.28. Повторное погребение: нет болгарского термина nomen actionis. Говорят *ва́дът* ‘вынимают’.

3.29. Надгробный деревянный памятник и его форма: *кр̑с*, *кр̑стъ* – антропоморфный деревянный памятник «кукла», форма которого зависит от пола покойника.

3.30. Надгробный камень, плита, его форма: *цеме́нтоф кр̑с*.

3. доп. На похоронах пришедшим проводить человека в последний путь дарят подарки *повне́ци* (ед. ч. не употребляется) – раньше домотканые вышитые полотенца для рук, сейчас белые носовые платки, к одному уголку которых с помощью нитки привязывают монету и свечу.

Список информантов

АГ – А́нгел Гу́джу (Gúgiu Ánghel), 1935–2017, образование 4 класса.

ВД – Васи́ле Дан, *дáскалу* [церковный певчий] (Dan Vasíle, dáscălu), 1937 г. р., образование 4 класса.

ММ – о. Михаи́л Мóга (pr. Móga Mihaíl), 1971 г. р., священник церкви св. Николая в с. Бэлень-Сырбь.

ПД – о. Па́уль Драгоми́р (pr. Dragomír Pául), 1979 г. р., настоятель церкви св. Николая в с. Бэлень-Сырбь.

СГ – Са́фта Гео́рге (Gheórghe Sáfta), 1936 г. р., неграмотная.

СтД – Сте́ла Ду́шку (Dúşcu Stéla), 1933 г. р., 1–2 класса образования.

ТГ – Тоа́дер Гео́рге (Gheórghe Toáder), 1957 г. р., высшее образование, председатель Ассоциации «Болгарская радость».

ФЧ – Флоа́ря Чумпуэ́ру (Ciumpuéru Floárea), 1925–2015, без образования, родилась в близлежащем городе Тырговиште (Târgovişte), в с. Бэлень-Сырбь вышла замуж.

inslav

Литература

Агапкина 2002 – *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Агапкина, Плотникова 1999 – *Агапкина Т.А., Плотникова А.А.* Деньги // СД. М., 1999. Т. 2. С. 56–60.

Анастасова 1999 – *Анастасова Е.* Небесное застолье «влахов» // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 36–43.

Анастасова 2002 – *Анастасова Е.* «Наял се като влах на помана» (Още веднъж за помана за жив) // Северозападна България: общности, традиции, идентичност. София, 2002. (Регионални проучвания на българския фолклор; т. 4). С. 60–64.

Афанасьева, Плотникова 1995 – *Афанасьева Н.Е., Плотникова А.А.* Воздух // СД. М., 1995. Т. 1. С. 401–402.

БДА ОТ – Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 1–3: Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971–2017–. Т. 1–8–.

Бизеранова 2006 – *Бизеранова С.* Помен или празник? // Делници и празници в живота на българина. Варна, 2006. С. 426–433 + ил.

Бизеранова 2013 – *Бизеранова С.* Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. [Враца], 2013.

Българските острови 2007 – Българските острови на Балканите: сб. ст. / [Съст. П. Асенова, И. Ликоманова, Й. Тишева, М. Джонова]. София, 2007.

Вакарелски 2008 – *Вакарелски Х.* Български погребални обичаи. София, 2008. (Българска класика).

Васева 1990 – *Васева В.* Сходства и различия в погребалните обичаи на българи и румънци: дис. … канд. на ист. науки. София, 1990.

Васева 1993 – *Васева В.* Към проучване на обичая «помана» у българи и румънци // Българска етнография. 1993. № 4. С. 91–103.

Васева 1995 – *Васева В.* Наблюдения върху съвременната обредна система на три български села в Румъния // Българите в Средна и Източна Европа. София, 1995. С. 96–102.

Васева 1997 – *Васева В.* Обредни хлябове при погребение и помен (българо-румънски паралели) // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 94–113.

Васева 2001 – *Васева В.* Адаптивност на погребалните обичаи на преселническите общности (на българите в Румъния и власите в България) // Българска етнология. 2001. № 4. С. 10–28.

Васева 2012 – *Васева В.* Погребальный обряд болгар Румынии (полевые наблюдения 90-х гг. XX века) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2009–2011. М., 2012. Вып. 2. С. 248–269.

inslav

Генчев 1974 – *Генчев С.* Семейни обичаи и обреди // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 265–300.

Гребенарова 2009 – *Гребенарова С.* Огънят в обредите на българите: етнографско-ареално изследване. София, 2009.

Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Гухман б. г. – *Гухман М.М.* Готский язык. [М.], б. г. [1990-е гг.]. (Б-ка филолога).

Зечевић 2007 – *Зечевић С.* Култ мтрвих код Срба / Приредили Б. Јовановић, Б. Зечевић, стручни сарадник Ј. Вуковић. Београд, 2007.

ИСД 10 – Исследования по славянской диалектологии. М., 2004. [Вып.] 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян / [Отв. редакторы вып. Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова].

Колев 2005 – *Колев Й.* Българите извън България. 1978–1945 г. София, 2005.

Маринов 1–2 – *Маринов Д.* Избрани произведения. София, 1981. Т. 1: Народна вяра и религиозни народни обичаи; София, 1984. Т. 2: Етнографическо (фолклорно) изучаване на Западна България (Видинско, Кулско, Белоградчишко, Ломско, Берковско, Оряховско, Врачанско).

МДАБЯ – Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб., 1997.

Младенов 1993 – *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993.

Нягулов 1999 – *Нягулов Б.* Банатските българи. София, 1999.

Олтяну 2010 – *Олтяну А*. Жертвоприношения усопшим у румын // Живая старина. 2010. № 4. С. 39–42.

Паня 2017 – *Паня Н.* Грамматика погребальной обрядности / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [пер. с рум. Н. Г. Голант]. СПб., 2017. (Kunstkamera Petropolitana).

Петров 1962 – *Петров П.* Към проучване на обичая «помана» в Северозападна България // Известия на Етнографския институт и музей. София, 1962. Кн. 5. С. 277–314.

Плотникова 1996 – *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. [2-е изд., испр. и доп.: М., 2009].

Плотникова 2004а – *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Плотникова 2004б – *Плотникова А.А.* Мифологическая лексика сербско-болгарского пограничья // ИСД 10. С. 92–142.

Плотникова 2004в – *Плотникова А.А.* «Одномесячники», «однодневники» // СД. М., 2004. Т. 3. С. 533–534.

inslav

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.

Стойков 2002 – *Стойков С.* Българска диалектология. София, 2002.

Телбизовы 1963 – *Телбизов К., Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и книжнина. София, 1963. Кн. 51.

Толстая 2012 – *Толстая С.М.* Смерть // СД. М., 2012. Т. 5. С. 59–71.

Трефилова 2004 – *Трефилова О.В.* Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, район Белоградчика (Северо-Западная Болгария) // ИСД 10. С. 355–398.

Трефилова 2012 – *Трефилова О.В.* Народная мифология из Твырдицы (Болгария, Верхняя Фракия) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. М., 2012. Вып. 2. С. 271–285.

Трефилова 2016 – *Трефилова О.В.* Терминология родства у болгар Румынии (по материалам экспедиции в округ Дымбовица, Мунтения) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2016. [Вып.] 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. С. 120–159.

Узенева 2004 – *Узенева Е.С.* Терминологическая лексика народной духовной культуры с. Глоговица, Трынский край // ИСД 10. С. 298–354.

Узенева 2006 – *Узенева Е.С.* Лексика народной культуры трех сел Северной Болгарии // Исследования по славянской диалектологии. М., 2006. [Вып.] 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. С. 95–113.

Фасмер 1–4 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стер. М., 1996.

ФРБЯ – *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова К.* Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975. Т. 1–2.

DRR – Dicţionar român-ruș = Румынско-русский словарь / Bolocan G., Medvedev T., Voronţova T. et al. Chișinău, 2004.

Ghinoiu 2002 – *Ghinoiu I.* Sărbători şi obiceiuri româneşti. Bucureşti, 2002.

Marian 1995 – *Marian S. F.* Înmormântarea la români. Studio etnografic / Ediţie critică de T. Teaha, I. Şerb, I. Iluşiu. Bucureşti, 1995.

Vlăduţiu 1973 – *Vlăduţiu I.* Etnografia românească. Istoric. Cultura materială. Obiceiuri. Bucureşti, 1973.

inslav